

РОМАНЫ
САРЫ РАЙНЕР

•

Один момент,
одно утро

•

Другой день,
другая ночь

•

САРА РАЙНЕР

Другой
день,
другая
ночь

Москва
2016

УДК 821.111-31
ББК 84(4Вел)-44
P18

Sarah Rayner
ANOTHER NIGHT, ANOTHER DAY

Copyright © Sarah Rayner, 2014

Школа перевода
В. Баканова

Перевод с английского *О. Корчевской*

Фото автора © John Knight

Художественное оформление *Е. Анисиной*

Райнер, Сара.

P18 Другой день, другая ночь : [роман] / Сара Райнер ; [пер. с англ. О. Корчевской]. — Москва : Издательство «Э», 2016. — 384 с. — (Тем, кто любит С. Ахерн : романы Сары Райнер).

ISBN 978-5-699-87903-8

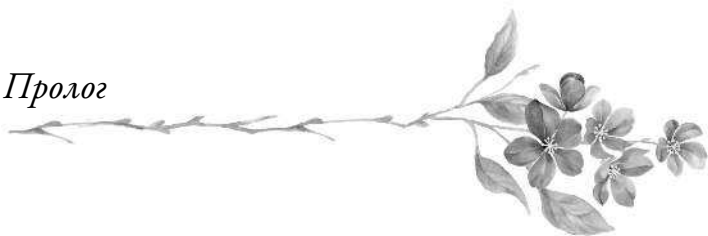
Трое незнакомых друг с другом людей волей судьбы встречаются в одном месте. Карен несколько лет назад потеряла мужа и сейчас одна воспитывает малолетних сына и дочь. Эбби готовится к разводу — ее отношения с любимым окончательно испортились. Майкл — хозяин цветочного магазина, чей бизнес постепенно рушится. Все трое — Карен, Майкл и Эбби — решают, что им нужна помощь специалиста, чтобы справиться с проблемами, но связь, которая устанавливается между ними, становится куда более действенным лекарством...

УДК 821.111-31
ББК 84(4Вел)-44

ISBN 978-5-699-87903-8

© Корчевская О., перевод на русский язык, 2016
© Издание на русском языке, оформление.
ООО «Издательство «Э», 2016

Пролог

Джонни открывает тяжелую стальную дверь лечебницы, стараясь не уронить ворох папок.

— А, Джонни, — окликает его Джиллиан. — Слава богу, ты-то мне и нужен.

Джиллиан у стойки беседует с регистраторшей Дэнни.

У Джонни обрывается сердце. По пути в Льюис он попал в кошмарную пробку, до начала первого сеанса каких-то пять минут, а ему до зарезу хочется выпить кофе.

— Может, в обед?

По выражению ее лица понятно: нет, не получится. Джиллиан — старший психиатр в Мореленд-плейс. На днях Джонни вдруг пришло в голову, что она скорее похожа на школьную директрису, чем на медицинского работника. Наверное, из-за тугого пучка седых волос на затылке и очков со стеклами в форме полумесяцев. Или ярко выраженного шотландского акцента. Рядом с ней Джонни часто чувствует себя пятиклассником, растрепанным и вертлявым.

— Нет, сейчас.

— В шестом свободно, — сообщает Дэнни и кивает на папки в руках у Джонни. — Если хочешь, присмотри.

— Спасибо.

Джонни оставляет бумаги в регистратуре и следует по коридору за начальницей.

Джиллиан прикрывает дверь. Шестой кабинет отделан в спокойных бежевых тонах — в лечебнице таких помещений несколько. В них проводят индивидуальные сеансы с пациентами и служебные совещания.

— Пожалуйста, сядь, — говорит начальница и указывает на скромное круглое кресло, которое мало радует глаз и не дает расслабиться телу.

Джонни бросает взгляд на настенные часы и медлит, потом все же пристраивается на краешек кресла. Он никак не может понять, в чем провинился. Ему не слишком удастся соответствовать требованиям администрации: на прошлой неделе от него ждали восемь историй болезней, а он успел заполнить только пять.

Джиллиан ставит напротив еще одно кресло, поправляет шерстяной платок на плечах и откашливается.

У Джонни плохое предчувствие, ощущение вины растет. Я же взял цветы, вдруг вспоминает он. Джиллиан видела, как я уходил, сунув их под мышку. Пациентка выписалась и оставила букет в палате, а я решил порадовать свою девушку. Но ведь это не преступление...

— Дело касается одной из пациенток, — хрипло произносит Джиллиан.

От напряжения у Джонни того и гляди закипят мозги. Кого она имеет в виду? Пациентов в Мореленд-плейс множество — каждую неделю поступает с десяток новых, и это только стационарные. В лечебнице двадцать пять коек, а больных хоть отбавляй. Едва места освобождаются, их не-

медленно занимают. Амбулаторных пациентов тоже не счесть.

— Вы о ком-то из моих? — спрашивает он.

Джиллиан морщится, опускает глаза, Джонни охватывает предчувствие беды.

— Да... — Она смягчает тон. — О той, что записана к тебе на одиннадцать.

Он вновь смотрит на часы. Ровно одиннадцать.

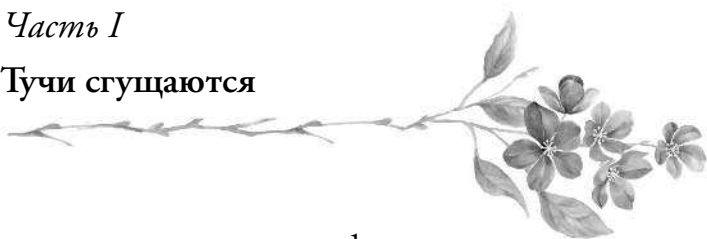
Джиллиан подается вперед, сжимает его колено, и внезапно Джонни понимает, почему нельзя было отложить беседу.

— Мне очень жаль... — говорит она.

Часть I

Тучи сгущаются

1

— Что за дурацкие носки!

— Тише, Люк! — Карен оборачивается к дочке. — Хорошие носки, солнышко. Не слушай его.

Хотя Люк в чем-то прав: как и школьная форма, носки слишком велики для Молли. Карен прячет улыбку: смеяться нельзя ни в коем случае — сегодня у малышки очень важный день.

— Давайте сфотографируемся, — говорит Карен, поправляя кончиками пальцев непослушные кудряшки дочери, и закрывает входную дверь. — Может, здесь, у крыльца?

— Подумаешь, праздник! — вздыхает Люк.

Ему скоро исполнится семь, так что в школьных делах он уже стреляный воробей, а вот для его сестренки хлопоты первого учебного дня внове. Да, ее распирает от гордо-

сти, когда она позирует перед камерой в зеленой флисовой курточке с нашивкой и с ранцем за спиной, но Карен прекрасно видит: девочка бодрится изо всех сил. Сегодня она с самого пробуждения задумчива и бледна.

— Ну-ка, Люк, становись рядом с Молли, — велит Карен.

Он запрыгивает на первую ступеньку и наклоняется к сестре.

— Берегись людоеда в девчачьем туалете.

У Молли дрожит нижняя губа.

— Я все слышу, — предупреждает Карен.

Люк одаривает мать сладкой улыбочкой и продолжает шепотом:

— И дракона под лестницей.

— Люк! Ты почему так себя ведешь?.. Он обманывает, — успокаивает Карен дочку. — Нет там никаких драконов, солнышко, точно тебе говорю.

Молли судорожно сглатывает.

— А людоед?

— Людоеда тоже нет.

Ей и так страшно, а тут еще брат со своими шуточками, думает Карен по дороге. До школы недалеко, Молли частенько ходила туда с Карен забирать Люка. И проводить три дня в неделю с няней, пока Карен на работе, она тоже привыкла. Но теперь девочка покидает безопасный мир и вот-вот окунется в неизвестность: просторные, заполненные учениками классы, уроки, обеды, линейки... Во время для игр можно запросто упасть и разбить об асфальт колени или, того хуже, столкнуться с каким-нибудь драчуном и задирой, не говоря уже о бесконечных учебных пожарных тревогах — в детские годы Карен такого не было.

У школьных ворот сердце Карен учащенно стучит, ладони покрываются липким потом. Еще неизвестно, кто

больше переживает — дочка или мама. У дальнего края площадки, окруженная детьми, стоит мисс Бакли, классная руководительница Молли. Рядом всхлипывает мальчишка; мать целует его на прощание, он в отчаянии крепко цепляется за ее рукав. Другой ребенок, с улыбкой крикнув «Пока, мам», пытается убежать; размазанная тушь и красные пятна на щеках его матери говорят о том, что для нее испытание оказалось труднее, чем для сына.

— Здравствуйте, — приветствует учительница и опускается на корточки. — Ты Молли, верно?

Ошеломленная Молли не в состоянии вымолвить и слова и чуть заметно кивает головой.

Нужно уходить, говорит сама себе Карен. Сюсюканье лишь продлевает мучения.

— Люк, поможешь мисс Бакли присмотреть за сестрой, ладно?

— Ладно, — откликается он гораздо менее презрительно, ведь теперь на него возложили ответственность.

— Молли, в обед я за тобой приду, — взяв себя в руки, произносит Карен. — Удачи, милая.

Она наклоняется, обнимает дочь и чувствует напряжение: девочка изо всех сил старается быть взрослой.

У Карен сжимается сердце. По пути к выходу она замечает на себе понимающий взгляд женщины с красными пятнами на щеках.

Пять минут спустя Карен уже дома. Живут они в самом конце улицы, где почти все строения относятся к викторианской эпохе. Фасад из красного кирпича не гармонирует с выкрашенной в белый цвет террасой, однако этот особняк 1930-х годов постройки, имеющий общую стену с соседним домом, — все, что они с мужем могли позволить себе приобрести десять лет назад.

За прожитые здесь после рождения детей годы дом не стал лучше, отмечает она и едва не спотыкается у порога о резиновый сапожок. Карен поднимает его, ставит рядом с собратом, идет в кухню и включает чайник. Пока закипает вода, она обводит жилище задумчивым взглядом. Стены усеяны отпечатками маленьких пальчиков и брызгами. Каждую комнату не мешало бы отделать заново, а значит, все останется по-прежнему, поскольку эта задача ей не по силам.

В патио за окном большая часть горшков пустует, из некоторых торчат побитые морозом растения. Края дорожек давно поросли сорняками.

Вода бурлит, затем раздается щелчок. Карен наливает себе чаю и опирается спиной о стойку. Чайник умолк, в доме повисла абсолютная тишина — будто кто-то пришел и подчеркнул ее красными чернилами.

Интересно, другие мамы чувствуют себя так же одиноко? Первый день всегда очень тяжелый, думает Карен. А Молли такая маленькая и беззащитная, совсем крошка...

И вдруг, как мчащийся на бешеной скорости грузовик, ее потрясает мысль.

Начало школьной жизни — такой важный этап, думает она. А Саймона с нами нет...

* * *

Всего в нескольких кварталах от дома Карен у эркера в спальне стоит Эбби. Снаружи окно обрамляет зеленая листва, что придает ему солидности и делает похожим на выставочный экспонат. За ветвями тиса и изрезанными шипастыми листьями падуба проглядывает Престон-серкус.

Мне будет этого не хватать, думает она.

Треугольные крыши коттеджей железнодорожников выстроились в ряд подобно воинам, — некоторые старые, заросшие лишайником, другие недавно подновленные, сверкающие серебром после внезапного ливня. Самые обветшалые — несомненно, жилища студентов; в остальных скорее всего живут семьи с детьми — те, кого привлекает близость к парку. Отсюда викторианские террасы пастельных цветов убывающими рядами взбираются на холм, будто компоновку города продумывал учитель изобразительного искусства, желающий развить в своих учениках способность передавать перспективу. За ними стоят серые бетонные блоки жилого комплекса «Уайтхок», и совсем вдалеке — мягкий изгиб Южной Гряды, вспаханные и готовые к посадкам поля на меловых возвышенностях.

Эбби вздыхает.

— Ох, Гленн, — бормочет она. — Что же с нами стало, со мной и с тобой?

Она и сама не поймет, что испытывает: злость или огорчение. Как бы там ни было, ее муж уходит от ответственности; по крайней мере, так все это выглядит. На мгновение у Эбби мелькает мысль плюнуть на все. Может, не будем выставлять на продажу дом, разойдемся цивилизованно? Что, если мне улететь в неведомую даль, — а ты разбирайся? Я могла бы вновь заняться фотожурналистикой: искать интересные сюжеты, стараться соблюдать сроки, болтать с замечательными, талантливыми коллегами. Какой же легкой кажется теперь работа в местной газете... А если бы я заявила, что не могу ее бросить? Что стало бы тогда с Каллумом? Справился бы ты? Взял бы на себя хлопоты о сыне, ушел бы с работы? Потому что невозможно каждый день ездить в Лондон и одновременно ухаживать за Каллумом. Слишком много сил нужно.

Но, разумеется, Эбби так не сказала бы, и Гленн об этом прекрасно знает.

Я бы ни за что не оставила Каллума, думает она. Потому что не хочу. Я его люблю.

Она оглядывает комнату. Главный предмет обстановки — огромная кровать, хотя в последнее время Эбби спит в ней одна. Вот уже несколько месяцев Гленн ночует на мансарде, хотя его одежда по-прежнему висит в гардеробе. Каждое утро он заходит одеться, не давая забыть о подвешенном состоянии, в котором они оказались. На стуле брошена вчерашняя рубашка Эбби, ее вид вызывает воспоминания. Сбоку на шее краснеет полоса, похожая на сильный засос, — за рубашку дернули так, что воротник оставил ярко-красный след.

Гленн не умеет сдерживать гнев, думает она. Поэтому и уходит.

Взгляд падает на прикроватный столик. На нем фотография: они втроем. Муж — небритый, ухмыляющийся — вылитый бунтарь. Рядышком она. Тогда Эбби была полнее — сейчас сплошные жилы и кости. Ей очень нравилась та прическа: ниспадающие каскадом удлиненные светлые волосы. Жаль было стричь, да нужда заставила: надоело, что за них все время дергают. Между ней и мужем — белобрый карапуз с розовыми щечками и огромными голубыми глазами. Каллум в то время только начал ходить. Зима; они в пальто, шарфах и перчатках, стоят в обнимку, так и светятся любовью.

Этот дом видел многое — и хорошее, и плохое. Они переехали сюда сразу после помолвки — каждый уголок полнится воспоминаниями. Жаль его покидать.

Глаза щиплет от слез. Плакать нельзя, думает Эбби. Ни за что нельзя. Если разревусь, мне уже не остановиться.

Нужно двигаться дальше. Она хватается письмо с подтверждением оценочной стоимости дома, оставленное Гленном накануне вечером, берет себя в руки и набирает номер.

* * *

В нескольких милях к востоку от террас в пастельных тонах и меловых возвышенностей Майкл собирается на работу. «Добро пожаловать в исторический центр Роттингина», — гласит надпись на плакате, мимо которого он идет к машине, и уже не впервые в ушах звучит голос жены: «Уродское название, прекрасное место». Но сегодня он не вполне согласен со второй частью этого утверждения. Майкл и Крисси живут в современном, отштукатуренном «под камень» бунгало чуть в стороне от идущей вдоль побережья трассы, не в самой деревне с ее симпатичными коттеджами, церковью из халцедонового кремня и прудом с утками. В солнечную погоду свет отражается от моря, и широкий серповидный пляж кажется необъятным — впечатление такое, что жильцам здесь легче дышать и оставаться самими собой. Однако этим утром пухлые светло-серые облака придают великолепным дорическим колоннам соседского дома оттенок пошлости. В воздухе морось; волосы Майкла намокли, и редеющая макушка стала гораздо заметнее. Это его раздражает. Ему нравится выглядеть привлекательным в глазах женщин.

Он ускоряет шаг. Нужно добраться до магазина к девяти — сегодня приедет фургон голландца. Майкл с удовольствием отложил бы доставку, чтобы избежать часа пик, но Яну, водителю, предстоит завезти товар и в другие места. По другой стороне улицы несколько ребятишек в школьной форме идут к автобусной остановке. Похоже,

начался новый учебный год, думает Майкл. Значит, машин на дорогах станет еще больше.

Он открывает минивэн, кладет на пассажирское сиденье сумку, рядом — пластмассовый контейнер с обедом. Контейнер с приготовленными Крисси сэндвичами соскальзывает и падает на пол. Майкл наклоняется, чтобы поднять его, в это время во внутреннем кармане рабочей куртки звонит телефон. Отвечать не хочется, но это может быть Ян — если фургон застрял в пробке, то и спешить не нужно. Майкл успевает ответить за пару секунд до того, как телефон переключился бы на голосовые сообщения.

— Алло?

— Чтоб тебя! — бормочет Майкл себе под нос, слишком поздно заметив, что звонок от Тима, менеджера гостиницы «У моря». Придется поговорить с клиентом. — Доброе утро, Тим. Чем могу быть полезен?

— А, Майк! Вы еще дома?

Майкл морщится: вообще-то он предпочитает, чтобы его называли «Мик» или «Микки».

— Выезжаю в Хоув.

— Прекрасно. Не заскочите по пути к нам?

— Вряд ли, у меня сейчас закупка. Перезвонить, как освобожусь?

— М-м, думаю, да... — На мгновение повисает пауза, затем Тим добавляет: — Мне бы хотелось побеседовать с вами, Майк, и желательно до того, как вы сделаете заказ...

Держу пари, снова вздумал учить меня, что покупать, думает Майкл. Назойливый юноша, везде сует свой нос, лезет с идеями, а ведь я начал составлять букеты, когда он под стул пешком ходил.

Едва Майкл открывает рот, чтобы попросить у Тима пояснений, как звонок прерывается: его «Нокиа» в последнее время что-то барахлит.

